

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

А.В.Перцев А.Шопенгауэр: жизнь философа и философия жизни

Начнем с двух цитат. Первая из письма Л.Н. Толстого к А.А. Фету от 30 августа 1869 года:

"Знаете-ли, что было для меня настоящее лето? непрестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения, и читал, и читаю (прочел и Канта). И, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь много не узнал, как я в нынешнее лето. Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей. Вы говорите, что он так себе, кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это весь мир в невероятно-ясном и красивом отражении. Я начал переводить его. Не возьметесь ли и вы за перевод его? Мы бы издали его вместе. Читая его, мне непостижимо, каким образом может оставаться его имя неизвестным? Объяснение только одно то самое, которое он так часто повторяет, "что кроме идиотов на свете почти никого нет".

Стало быть, читать Шопенгауэра необходимо.

Вторая цитата из самого Шопенгауэра: "Люди, которые, вместо того, чтобы изучать мысли философа, стараются ознакомиться с его биографией, ходят на тех, которые, вместо того, чтобы заниматься картиной, стали бы заниматься рамкой картины, оценивая достоинства резьбы и стоимость ее позолоты. Но это еще с полбеды; а вот беда, когда биографы начнут копаться в вашей частной жизни и вылавливать в ней разные мелочи, не имеющие ни малейшего отношения к научной деятельности человека".

Итак, читать Шопенгауэра необходимо. Но стоит ли тратить время на изучение его биографии? И действительно: насколько прилично и полезно копаться в частной жизни "гениальнейшего из людей"?

Кажется, в последние восемьдесят лет российские историки философии были солидарны с точкой зрения Шопенгауэра. Во всяком случае, в его частную жизнь они особенно не вникали. Более академичные авторы сразу принимались за анализ философии, едва сказав пару слов о биографии. Менее академичные занимались, по удачному выражению В.В. Харитонова, "классовым психоанализом" выясняли, какие позы, определяемые социальным происхождением мыслителя, но им самим не осознаваемые, на самом деле выражаются в его философии.

Другое дело западные историки философии. У них сегодня считается просто дурным тоном не обсудить тончайших эротических переживаний мыслителя в детском возрасте, не проникнуть с помощью психоанализа в его взаимоотношения с родителями, с семьей, со всем жизненным окружением. Увлечение это порой заводит столь далеко, что "взрослый", сознательный компонент в творчестве философа, его способность "воспарять над суетой", отрешаться от житейских дрызг вообще отходит на задний план. В результате все тонкости его метафизической доктрины напрямую выводятся из чего угодно, кроме свободной активности разума мыслителя.

Как бы то ни было, ясно одно: у каждой философии должно быть свое, неповторимое человеческое лицо. Она, философия, создается человеком, индивидуальность которого выражается в ней ничуть не меньше, чем общий уровень современной ему науки, культуры, промышленности, чем накал политических и интеллектуальных битв. Все, что влияет на философию, влияет на нее только через глубоко личные, индивидуальные, интимные переживания ее создателя: это должно быть пережито, обдумано, прочувствовано им на свой неповторимый лад. Такой индивидуальный способ переживать мир формируется с детства. То же самое играющее дитя, повзрослев, говорит о себе в своей философии. Вот почему знать о жизни великих философов просто необходимо.

2

Публикации дореволюционных российских и зарубежных историков философии позволяют воссоздать биографию Артура Шопенгауэра в достаточно полном виде, не укладывая ее на прокрустово ложе фрейдистских схем. Его предки были знатными гражданами вольного ганзейского города Данцига. Прадед по отцовской линии, Андрей Шопенгауэр, будучи одним из самых зажиточных и уважаемых граждан этого города, имел честь принимать у себя в доме Петра I и его супругу Екатерину во время их путешествия по Германии. Отец философа, Генрих-Флорис Шопенгауэр, унаследовал большую часть семейного состояния и значительно приумножил его благодаря способностям к коммерции. Он был верен традициям старинной ганзейской республики, ее представлениям о справедливости и свободе. Когда в 1793 году, вследствие второго раздела Речи Посполитой, Данциг был присоединен к Пруссии, отец Артура демонстративно ликвидировал в течение суток все свои торговые дела в городе естественно, понеся финансовые потери из-за срочности и переселился в

жизнь философа и философия жизни filosoff.org
ганзейскую же республику Гамбург, сохранявшую независимость.

Генрих-Флорис Шопенгауэр был очень образованным человеком и ценителем европейской культуры. Он часто ездил по торговым делам в Англию, во Францию и хорошо познакомился с литературой этих стран. Его любимым писателем стал Вольтер. Англия же настолько завоевала его сердце своими демократическими традициями, что он некоторое время собирался переселиться туда. Хотя переселения не случилось, Генрих-Флорис устроил свой дом на английский манер, сам ежедневно прочитывал "Таймс" от первой до последней страницы и приучил к этому с детства сына. Философ остался верен этой привычке всю жизнь. Даже имя сына Артур отец специально выбрал так, чтобы оно не было исключительно немецким, а произносилось совершенно одинаково и на немецком, и на английском, и на французских языках.

Внешностью и характером Артур Шопенгауэр пошел в отца. Тот был среднего роста, коренастый, широколицый, по натуре вспыльчивый и упрямый. Мать Артура, Анна-Генриетта, по характеру была полной противоположностью отцу. Генрих-Флорис женился на ней, восемнадцатилетней, в тридцать восемь лет. Анна-Генриетта не делала тайны из того, что она выходит замуж по расчету, надеясь таким образом вырваться из родительского дома и повидать свет. Это была миниатюрная, грациозная, голубоглазая, светлорусая девушка. Она получила скудное домашнее образование (впрочем, иных возможностей не было даже у девушек из высшего общества), но компенсировала недостаток знаний живостью ума и обаянием, а также чтением книг из великолепной библиотеки мужа. Юная жена коммерсанта страстно желала жизни светской, общения с творческими людьми, поскольку сама хотела стать писательницей.

Родился Артур Шопенгауэр 22 февраля 1788 года в Данциге, спустя несколько дней после возвращения родителей из трудного путешествия по Европе. Маршрут долгого свадебного путешествия был таков: Берлин, Ганновер, Франкфурт-на-Майне, Бельгия, Париж, Англия. Отец выбрал его намеренно: он хотел, чтобы его первенец родился в Англии и обрел тем самым право на английское гражданство. К сожалению или к счастью, но затея не удалась. Вообще говоря, тяга к странствиям была необычайно сильной в этой семье. Она постоянно путешествовала, оставаясь по несколько месяцев, а то и лет, в различных городах и странах. Из-за такой кочевой жизни Артур получил весьма необычное образование. Девятилетним мальчиком отец увез его во Францию и оставил в Гавре на два года в семье хорошего знакомого. Артур вместе с его сыном обучался у лучших учителей города. Генрих-Флорис сделал это специально для того, чтобы сын "офранцузился" изучил язык и перенял некоторую легкость французского характера: отец остро ненавидел немецкого филистера с его постоянной убийственной серьезностью. По возвращении на родину Артур обнаружил, что почти забыл немецкий язык.

В одиннадцать лет будущий философ был отдан в частную гимназию Рунге, где обучались сыновья самых знатных граждан, готовясь к занятиям коммерцией. Отец хотел сделать из старшего сына купца, а потому очень расстроился, обнаружив, что его душа не лежит к торговле. Артур неоднократно просил перевести его в другую гимназию, где изучались основы отвлеченных наук. Чтобы развеять его тоску, родители взяли мальчика в очередное путешествие в 1803 году семья отправилась в Бельгию, затем в Англию, где прожила почти полгода. Здесь Артур учился в Уимблдоне, неподалеку от Лондона. В школе, наряду с общеобразовательными предметами, он осваивал игру на флейте, пение, рисование, верховую езду, фехтование и танцы. И все равно в письмах родителям из школы он жаловался на скуку и отсутствие развлечений. Родители убеждали его в том, что программа школы необычайно интересна, и советовали совершенствоваться в английском языке.

После долгих странствий по Европе Шопенгауэры осели в Гамбурге. Здесь в январе 1805 года Артур по желанию отца начал работать в конторе торговой компании. Но весной того же года случилась трагедия, перевернувшая жизнь семьи. Отец погиб при загадочных обстоятельствах: упал из окна чердака в канал и утонул. Смерть вызвала много пересудов в городе. Одни считали это самоубийством: старый Генрих-Флорис в последние годы стал быстро гложуть, отчего сделался еще более раздражительным и способным на самые безрассудные поступки. Другие вспоминали, что в роду Шопенгауэров были довольно часты случаи безумия, что мать и старший брат покойного сошли с ума, и намекали, что тот бросился в воду тоже в припадке сумасшествия. Третьи говорили о несчастном случае. Смерть отца была для Артура тяжким ударом. Отнюдь не склонный с н, далекий от чувствительности и сентиментальности по натуре своей, до глубокой старости говорил об отце с удивительной теплотой и посвятил ему свой главный труд "Мир как воля и представление": "...Тем, что силы, дарованные мне природою, я могу развить и употребить на то, к чему они были предназначены; тем, что, последовав прирожденному влечению, я мог без помехи работать в то время, когда мне никто не оказывал содействия всем этим я обязан тебе, мой отец: твоей деятельностью, твоему уму, твоей

жизнь философа и философия жизни filosoff.org
бережливости и заботливости о будущем... Да делает моя благодарность то единственное, что в состоянии сделать для тебя я, которого ты создал: да разнесется имя твое так далеко, как только в состоянии будет развестись мое имя".

После смерти мужа Анна-Генриетта почувствовала, что может, наконец, вести тот образ жизни, к которому стремилась всю жизнь. Она бросила купеческий Гамбург и с восьмилетней дочерью отправилась в Ваймар. Обаяние и талант общения позволили ей в краткое время познакомиться и подружиться со всеми знаменитыми ваймарскими служителями муз. В ее доме, поставленном на широкую ногу, по два раза в неделю собирались Гете, Виланд, Гримм, братья Шлегели. Она даже добилась расположения ваймарского двора и пользовались дружбой герцога Карла-Августа и его супруги, герцогов Саксен-Кобургских, наследного принца Мекленбург-Шверинского. Несколько лет спустя она сама решила выступить на литературном поприще и не без успеха.

Сын же Артур некоторое время после смерти отца из уважения к его памяти продолжал ненавистную ему работу в торговой конторе, хотя и почитывал тайно, обложившись конторскими гроссбухами, книгу Галля о френологии или что-нибудь подобное. Но однажды Фернов, друг семьи Шопенгауэров, живший в Ваймаре, показал матери Артура его письмо, где тот жаловался на свои мучения. Мать позволила ему бросить коммерцию и поступать в университет. Получив это письмо, Артур заплакал от радости. Готовиться к поступлению он приехал в Ваймар, но мать решила, что девятнадцатилетний юноша будет жить отдельно.

Ее послание по этому поводу одинаково красноречиво говорит и о характере сына, и о литературных способностях матери:

"Для моего счастья необходимо знать, что ты счастлив; но мы можем оба быть счастливыми, и живя врозь. Я не раз говорила тебе, что с тобой очень трудно жить, и чем больше я в тебя всматриваюсь, тем эта трудность становится для меня очевиднее. Не скрою от тебя того, что пока ты останешься таким, каким ты есть, я готова решиться скорее на всякую иную жертву, чем на эту. Я не отрицаю твоих хороших качеств; меня отдалают от тебя не твои внутренние качества, а твои внешние манеры, твои привычки, взгляды и суждения; словом, я не могу сойтись с тобою ни в чем, что касается внешнего мира. На меня производят также поистине подавляющее действие твое вечное недовольство, твои вечные жалобы на то, что неизбежно, твой мрачный вид, твои странные суждения, высказываемые тобою точно изречения оракула; все это гнетет меня, но нимало не убеждает. Твои бесконечные споры, твои вечные жалобы на глупость мира и на ничтожество человека мешают мне спать по ночам и давят меня точно кошмар".

Два года напряженного труда было отдано подготовке к университету, занятиям с лучшими ваймарскими преподавателями образование, наконец, приобрело систематичность и завершенность. В двадцать один год Шопенгауэр поступил в славившийся тогда Геттингенский университет, где вначале записался на медицинский факультет, а затем перешел на философский. Здесь, в Геттингене, Шопенгауэр прожил с 1809 по 1811 год, сторонясь шумного студенческого общества и усердно штудировав Платона и Канта. Он был нелюдим по натуре, и круг его знакомых составляли всего несколько человек, лишь один из которых добился впоследствии известности: американец Астор, ставший мультимиллионером. Зато в доме матери Артур познакомился с Гете, который весьма благосклонно отнесся к юноше. Тот ответил на это страстным обожанием и благоговением, называя Гете величайшим человеком германского народа вопреки своей традиционной иронии и скепсису.

В 1811 году, в двадцать три года Шопенгауэр переселился из Ваймара в Берлин. Его привлекла слава Фихте, гремевшая в то время. Но у молодого философа к этому моменту уже сложился вполне самостоятельный замысел капитального труда о Воле. Вблизи Фихте отнюдь не показался Шопенгауэру гением. Он прилежно ходил на лекции, хотя находил в них склонность к софистике, спорил с мэтром на коллоквиумах и все больше разочаровывался в нем. В конце концов, Фихте был ядовито высмеян им, и подвергнут презрению. Шопенгауэр замыслил масштабное философское полотно: его онтология должна была представить весь мир. Потому, наряду с философией, он штудировал естественные науки физику, химию, астрономию, геологию, физиологию, анатомию, зоологию. Кроме того, он изучал классические языки, слушал лекции Шляйермахера по истории средневековой философии, читал скандинавскую поэзию и, наконец, наслаждался произведениями Монтеня и Рабле, созвучными его ироническому складу ума.

В 24 года университет г. Йена, куда Шопенгауэр прислал свою диссертацию, заочно провозгласил его доктором философии. Зимой Артур приехал к матери, и здесь несходство их характеров привело к значительному охлаждению меж ними, а затем к разрыву. Мать по-прежнему держала сына на дистанции: "Я полагаю, что ты найдешь для нас обоих полезным, если взаимные отношения наши

установятся так, чтобы обоюдная наша независимость не подверглась ущербу и чтобы я в частности сохранила непринужденное, мирное и независимое спокойствие, которое вносит в мою жизнь отраду. Итак, Артур, устраивай свое существование так, как будто бы меня здесь вовсе не было, за исключением того, что между часом и тремя ты ежедневно будешь приходить ко мне обедать. Вечера каждый из нас будет проводить как вздумается, кроме двух часов в неделю, когда у меня собирается общество: в эти вечера, само собой разумеется, ты будешь приходить, проводить время с гостями, и, если захочешь, оставайся хоть целый вечер и ужинай; в остальные дни недели ужинать и чай пить ты будешь у себя дома. Так оно будет лучше, милый Артур, для нас обоих: этим способом мы сохраним теперешние наши взаимные отношения... Ты окажешься единственным совсем молодым человеком в нашем обществе; но интерес находиться в одной среде с Гете вознаградит тебя, нужно полагать, за веселие, которого ты, быть может, у меня не найдешь...

Угрюмый юноша, в свою очередь, очень скептически смотрел на материнский салон, не без основания усматривая в нем способ выбрасывания на ветер унаследованных от отца денег, а еще более скептически на литературные опыты матери. Биографы Шопенгауэра описывают стычку матери и сына по этому поводу. В 1813 году Шопенгауэр издал за свой счет первый философский труд "О четвероюм корне закона достаточного основания". Его восторженно оценили некоторые профессора, но продать не удалось в той военно-политической ситуации, которая сложилась тогда в Германии, тема книги показалась публике не самой актуальной. Шопенгауэр понес значительные убытки, но тем трепетнее относился к своему первому детищу. Когда он преподнес один экземпляр книги своей матери, та, прочитав заглавие, имела неосторожность пошутить: "О, да тут что-то про корешки! Видать, фармацевтическая книга!" Выведенный из себя насмешкой Артур заявил, что его сочинения будут изучать и тогда, когда о беллетристических опытах Анны Шопенгауэр мир давно позабудет.

Эта оценка соответствовала общему представлению Шопенгауэра о женщинах. С тех пор, как он неудачно ухаживал за известной актрисой Ягеман, на которой был готов жениться, отношения со слабым полом у него принципиально не складывались. Как всякий философ, он легко нашел этому теоретическое обоснование. Женщина, по его мнению, обладает умственной близорукостью. Она способна различать только близкие предметы и цели, но заглянуть в будущее и в прошлое неспособна. Видимость вещей она принимает за суть дела. Зато близорукость позволяет ей больше мужчины наслаждаться радостями сегодняшнего дня, быть жизнерадостной и расточительной.

О женщине Шопенгауэр пишет так: "Она инстинктивно лукава, но вместе с тем, по неразумению и малой сообразительности, вздорна, капризна, тщеславна, падка на блеск, пышность и мишуру; в отношениях друг к другу она проявляет большую принужденность, скрытность и враждебность, чем мужчины в отношениях между собою. Женщинам чуждо истинное призвание к музыке, поэзии и вообще к искусству; даже наиболее блестящие представительницы женского пола никогда не создавали чего-либо действительно великого и самобытного в художественной области; еще менее способны они удивить мир ученым творением с непреходящими достоинствами. Объясняется это тем, что женщина всегда и во всем обречена только на опосредственное господство через того мужчину, которым одним она владеет непосредственно... Женщины во всех отношениях второй, ниже мужчин стоящий слабый пол... По самой природе своей женщины несомненно обречены на повиновение; видно это уже из того, что любая из них стоит ей попасть в независимое положение добровольно отдается под опеку любовника или духовника, лишь бы только какой-нибудь мужчина властвовал над нею".

Окончательным "мизогинном", как называли в те времена женоненавистников, Шопенгауэра сделала некая швея Каролина Маркет, знакомая его берлинской квартирной хозяйки во время его кратковременного профессорства. В августе 1821 года она привлекла автора "Мира как воли и представления" к суду за оскорбление словом и действием. Письменный ответ Шопенгауэра на жалобу обвинительницы выглядит так:

"Возводимое на меня обвинение представляет чудовищное сплетение лжи с истиною... Я месяцев шестнадцать занимаю у вдовы Беккер меблированную квартиру, состоящую из кабинета и спальни; к спальне примыкает маленькая каморка, которую я сначала пользовался, но потом, за ненадобностью, уступил хозяйке. Последние пять месяцев каморку эту занимала теперешняя моя обвинительница. Передняя же при квартире всегда состояла исключительно в пользовании моем и другого жильца, и кроме нас двоих и наших случайных гостей в переднюю никому не следовало показываться... Но недели за две до двенадцатого августа я, вернувшись домой, застал в передней трех незнакомок; по многим причинам это мне не понравилось и я, позвав хозяйку,

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org
спросил ее, позволила ли она госпоже Маркет сидеть в моей передней? Она ответила мне, что нет, что Маркет вообще из своей каморки в другие комнаты не заходит и что вообще Маркет в моей передней нечего делать... Двенадцатого августа, придя домой, я опять застал в передней трех женщин. Узнав, что хозяйки нет дома, я сам приказал им выйти вон. Две из них повиновались беспрекословно, обвинительница же этого не сделала, заявив, что она приличная особа. Подтвердив госпоже Маркет приказание удалиться, я вошел в свои комнаты. Пробыв там некоторое время, я, собираясь снова выходить из дому, опять вышел в переднюю со шляпой на голове и с палкой в руке. Увидев, что госпожа Маркет все еще находится в передней, я повторил ей приглашение удалиться; но она упорно желала оставаться в передней; тогда я пригрозил вышвырнуть ее вон, а так как она стояла на своем, то я и на самом деле вышвырнул ее за дверь. Она подняла крик, грозила мне судом и требовала свои вещи, которые я ей выбросил; но тут, под тем предлогом, что в передней осталась какая-то незамеченная мною тряпка ее, она снова вторглась в мои комнаты; я опять ее вытолкнул, хотя она этому противилась изо всех сил и громко кричала, желая привлечь жильцов. Когда я ее вторично выпроваживал, она упала, по всей вероятности, умышленно; но уверения ее, будто я сорвал с нее чепец и топтал его ногами чистойшей ложь: подобная дикая расправа не вяжется ни с моим характером, ни с моим общественным положением и воспитанием; удалив Маркет за дверь, я ее больше не трогал, а только послал ей вдогонку крепкое слово. В этом, я, конечно, провинился и подлежу за то наказанию; во всем же остальном я пользовался лишь неоспоримым правом охраны моего жилища от нахальных посягательств. Если у нее очутились ссадины и синяки, то я позволю себе усомниться в том, чтобы они были получены при данном столкновении; но даже и в последнем случае она должна винить сама себя: таким незначительным повреждениям рискует подвергнуться всякий, кто держит в осаде чужие двери...".

В первой инстанции дело выиграл Шопенгауэр. Но оно тянулось еще пять лет, кончившись тем, что Шопенгауэр должен был выплачивать Маркет пожизненную пенсию по 60 талеров в год. Это продолжалось двадцать лет. В 1846 году философ получил свидетельство о смерти, на котором начертал по латыни "Obit anus, abit onus" ("Отошла старуха, свалилось бремя").

3

Кто из мыслителей оказал решающее воздействие на формирование философии А. Шопенгауэра? Представляется, что более всего на нее повлияли Кант, Гегель и Будда.

Кант разрушил представления наивного реализма, полагавшего, что, во-первых, есть объективно существующие вещи, во-вторых они имеют свойства, в-третьих эти свойства достаточно точно и адекватно отпечатываются в человеческом сознании, в четвертых сознание это выполняет роль зеркала, послушно отражающего то, что ему будет показано, но ничего не добавляющего от себя.

Кант предложил и обосновал иную картину. Есть, во-первых, вещи сами по себе. Но каковы они, мы никогда не знаем и не узнаем. Мы можем знать лишь одно: нечто воздействует на нас, вызывая ощущения. Каково это "нечто", навсегда останется неизвестным: "заглянуть" за ощущения мы не можем. Мы способны лишь строить догадки о том, что их вызывает. Но человеку разумному понятно: то вызывает ощущения, а сами ощущения непохоже.

Во-вторых, ощущения поступают к нам извне по пяти каналам: обоняние, осязание, зрение, вкус, слух. И все эти пять потоков каким-то образом сливаются в один, который представляется нам единым миром. Точнее, они не сливаются сами, поскольку разнородны: в нас есть что-то такое, что активно соединяет внешние ощущения пяти видов в единый комплекс, именуемый предметом. Кроме того, есть еще и поток разнообразных внутренних ощущений, которые что-то в нас соединяет в единое "самочувствие".

Стало быть, психику человека нельзя сравнивать с зеркалом (ведь в нем отражались бы только различные потоки ощущений, а не предметы). Ее, используя сегодняшней образ, лучше сравнить со сложно запрограммированным компьютером.

Две первые из его программ "априорные формы чувственности" заняты первичной обработкой ощущений. Пять внешних ощущений соединяются программой под названием "пространство" в результате получают отдельные предметы. Эти предметы "лепит" сам человек помимо своей воли, наивно полагая, что они слеплены самой природой.

Внутренние ощущения соединяются программой под названием "время" в результате возникает то, что называется человеческим Я.

Далее в действие вступает вторая программа компьютера, именуемая рассудком. Из отдельных предметов рассудок собирает так называемые научные картины мира (их много, поскольку каждая наука имеет свою). Рассудок оперирует категориями, которые представляют собой запрограммированные формы

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org
человеческого мышления: "единство", "множественность", "всеобщность", "реальность", "отрицание", "ограничение", "субстанциональность" и "присущность", "причинность", "взаимодействие", "возможность", "существование", "необходимость" и "случайность". Категории эти, стало быть, не отражают чего-то в объективном мире, а являются формами устройства человеческого рассудка, второй программой "компьютера". В этих категориях мыслит любой человек, только называются они на разных языках различными словами. Категория одна, а понятий, выражающих ее на разных языках много.

Окончательный итог работы второй программы те упорядоченные знания о предметах, которые складываются в единую "картину мира" в каждой из естественных наук. Говоря о "мире науки", мы подразумеваем вовсе не объективный мир в целом, состоящий из вещей самих по себе. Каким мог бы быть этот мир, что объединяло бы его в некое единство, мы не знаем и никогда не узнаем. А вот "мир" каждой науки составляется рассудком из предметов, активно построенных первой "программой" априорными формами чувственности. Мы по собственному усмотрению устанавливаем себе масштаб рассмотрения. Если, к примеру, мы принимаем за предельное рассматриваемое целое частицу или кварк, то получаем физику и ее "мир". Если мы принимаем за такое целое молекулу, то получаем химию и ее "мир". Если принимаем за целое организм, то получаем биологию и ее "мир".

Таким образом, наш ум благодаря вложенной в него неведомым программистом априорной программе, именуемой рассудком, сам строит "миры", используя категории. Он сам обнаруживает законы этих "миров", сам устанавливает в нем связи и законы.

У компьютера, однако, есть и третья "программа". Она "включается" всегда, а потому человек просто не может не размышлять о том, что представляет собой мир в целом, что представляет собой душа (или, выражаясь сегодняшним языком, сознание) и, наконец, что представляет собой Бог (представление о Боге, как известно, есть даже у атеиста). В результате работы этой третьей программы, именуемой чистым разумом, получаются представления теологии и метафизики, т.е. умозрительной философии.

Беда, однако, заключается в том, что эта программа чересчур несовершенна. А потому, размышляя о мире в целом, о Боге и о душе, человек впадает в неразрешимые противоречия. Он получает взаимоисключающие положения, из которых каждое верно, но которые совершенно несовместимы. К примеру: "Все сложное в мире состоит из простого, и вообще есть только простое и то, что из него сложено" "Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще нет ничего простого". На протяжении тысячелетий человечество не пришло к единому представлению ни о мире в целом, ни о Боге, ни о душе. Это может свидетельствовать только о слабости программы, именуемой "чистый разум".

Значит, научно размышлять на эти три темы (иногда Кант добавляет к ним и четвертую тему свободы) невозможно. Правда, никакая сила заставит каждого из человека размышлять на эти темы. Свои ответы на вопросы о том, что такое мир, что такое душа, есть ли Бог и в чем состоит свобода, есть у любой бабушки на завалинке. Но эти ответы не имеют ничего общего с наукой. Видимо, они зачем-то нужны человеку, раз уж такая "компьютерная программа" заложена в его психику. Скорее всего, эти противоречивые размышления нужны человеку для обретения психологического равновесия.

Но настоящий ученый должен довольствоваться только тем, что дают ему априорные формы чувственности и рассудок. Сказав хотя бы слово о Боге, мире в целом, душе и свободе, он покинул бы научные пределы. Поэтому, чтобы оставаться ученым, он должен отвечать: "Мы не знаем этого и никогда не узнаем научно".

А. Шопенгауэр принимает общий подход И. Канта: нет никакого объективно, от века данного мира вещей самих по себе. "Миры", известные наукам, строятся чем-то таким, что присутствует в человеке и творит в нем. Но кто же заложил в его психику "компьютерные программы"? Кто был этим неведомым программистом? Кто заставил человека соединять разрозненные представления в предметы, в научные картины мира, в противоречивые учения о мире в целом, Боге, душе и свободе?

Кант запретил отвечать на этот вопрос: мы не знаем и никогда не узнаем этого научно. Но парадокс заключался в том, что даже такой ответ был научным ответом. Он был суждением о душе, а всякие суждения о душе в науке должны быть запрещены. Запрет же, нарушенный самим запретителем, утрачивает силу.

И Шопенгауэр преодолевает кантовский запрет заниматься философией ведь сам Кант явочным порядком занимается ей! Суждение "Мир в целом непознаваем" это тоже суждение о мире в целом, то есть суждение философское! Суждение "Бог непознаваем" это тоже суждение о Боге. Так же обстоит дело с суждениями о душе и о свободе, которые Кант объявил непознаваемыми

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org
вещами-в-себе. Все это суждения, которые, по Канту, в науке запрещены.
Значит, они ненаучны!

Главным аргументом Канта против философии является противоречивость суждений, которые получаются, когда в действие вступает третья программа разум. Но ведь сам Кант признает, что какая-то непреодолимая сила заставляет человека философствовать, впадая в противоречия. Так, может быть, "программирует" человеческое познание такая сила, которая сама раздирается противоречиями? Двадцать пять веков философствования, несмотря на все противоречия ведь это что-нибудь да значит! Видимо, сила, заставляющая человечество философствовать, обладает достаточной мощью, если она достигла такого результата?

Гегель попытался ответить на поставленный Кантом вопрос: почему люди философствуют, несмотря на то, что впадают при этом в противоречия, несмотря на то, что за двадцать пять веков они так и не достигли однозначных результатов при решении философских вопросов о мире в целом, Боге, душе и свободе. Гегелевский ответ сводился к следующему. Существует Божественный философский Разум, который спорит сам с собой. Но спорит он в соответствии с четко установленной для себя самой логикой. Вначале он выдвигает тезис, затем возражение против него (антитезис), а потом находит компромисс, примиряя тезис и антитезис в синтезе. Обретенный синтез снова превращается в тезис, для него находится антитезис, они снова примиряются в синтезе и так далее. Божественная Мысль при таком мышлении вовсе не топчется на месте. Она становится все богаче и богаче, возвращаясь, казалось бы, к тому же самому, но на новом уровне. Происходит развитие по спирали каждый виток повторяет предыдущий, но на более высоком уровне. Таким образом, происходит прогресс в философии.

Божественный Разум, мыслимый Гегелем как бесконечный дух, открывает каждое из своих основополагающих понятий одному из философов "конечных духов". Потому и возникает ложное впечатление, будто философы спорят между собой. На самом же деле один воплощает в своем учении тезис, второй антитезис, третий синтез. Спираль человеческого философского мышления повторяет спираль божественного философского мышления. Стало быть, человеческая философия прогрессирует тоже, пока в лице Гегеля не достигнет того же конечного результата, к которому пришел Бог.

Итак, через человечество, сквозь него, его устами философствует могущественная космическая сила, которая стремится к разумному примирению противоречий. Главные черты этой силы стремление к разумности и свободе, к примирению противоречий и к прогрессу. Больше того. Эта космическая сила Мировой Разум сотворила не только человека, но и всю природу, вложив в нее стремление к разумному порядку и свободе.

Не секрет, что портрет Мирового Разума был во многом списан Гегелем с Наполеона Бонапарта: однажды увидев его, Гегель назвал Наполеона воплощением мирового духа в конкретном месте и в конкретное время. Именно Наполеон осуществил вековую мечту немецких интеллектуалов, вдохновлявшихся в молодости чистыми идеалами французской революции, еще не омраченными террором: в 1806 году он объединил 36 германских княжеств под своим протекторатом в Рейнский Союз. Мировой Дух, воплотившись в Наполеоне, начал, наконец, объединять немцев в нацию, делать из них исторический народ! Как тут не смотреть в будущее с оптимизмом?

Именно оптимизма-то у Шопенгауэра никогда и не было. Он никогда не поверил бы в то, что историей и природой руководит какая-то космическая разумная сила, примиряющая противоречия и обеспечивающая развитие пусть даже и по спирали, а не по восходящей прямой. Гегель, возможно, и слышал в себе голос примиряющего Разума. Но Шопенгауэр, как и его предки, слышал в себе иной голос голос упрямой силы, велящей идти на конфликты и настаивать на своем. Эта сила с великим трудом сдерживалась рамками приличий, но иногда, как в случае с Каролиной Маркет, она выплескивалась наружу в гнев и несла на своей могучей волне, сметая все плотины и преграды разума.

Почувствовав эту могущественную силу в себе, Шопенгауэр стал целенаправленно искать ее вокруг, в сотворенном ею мире. История предстала ему отнюдь не в виде разумного прогресса, который приведет в тенденции к единому человечеству как семье народов, способных договариваться между собой и примиряться в высшем синтезе. Так мог представлять себе историю либо наивный оптимист, либо коварный обманщик.

История это череда кровавых и абсолютно бессмысленных деяний. Это непрерывное противоборство народов, каждый из которых, в свою очередь, раздираем внутренними распрями. Больше того: конфликтующие партии тоже раздираются внутренними противоречиями, столкновениями составляющих их людей. И даже это еще не все. Каждого из этих отдельных людей непрерывно терзают противоборствующие в нем силы.

Люди, каждый из которых непрерывно воюет против всех и против себя самого

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org вовсе не исключение. Жестокая борьба за выживание идет в мире живого. Вернее, впрочем, будет сказать, что какая-то могущественная, раздирающая сама себя сила создает весь мир живого, наглядно разворачивая себя в нем. Эта сила, которую можно было бы назвать Мировой жизнью, творит себя с избытком потому что знает, что будет питаться самой собою. Потому что живое питается только живым или тем, что когда-то было живо. Но та же непримиримая борьба идет и в сфере неживого. Одно небесное тело притягивает к себе другое, чтобы увеличить свою массу, а тем самым и мощь для дальнейшего притяжения. Язык химии это тоже язык борьбы... А потому Шопенгауэр предпочитает называть великую силу, пронизывающую весь созданный ею космос, не Мировой жизнью, а всемирной Волей. Власть ее распространяется и на живое, и на неживое.

Единая, всемирная Воля Шопенгауэра это его ответ на Мировой Разум Гегеля. Ненависть, испытываемая Шопенгауэром к нему, заставила ответить философской системой на философскую систему: иначе нельзя было спорить и опровергать. Правда, квант Мировой Воли, бившийся в Шопенгауэре, не позволил ему выстроить свою систему с такой же хладнокровной последовательностью. Но его Мировая Воля так же прослежена и в онтологии, и в гносеологии, и в этике и в эстетике: она противопоставлена гегелевскому Мировому Разуму на всех философских фронтах.

Отчаянная, бессмысленная борьба повсюду в природе и повсюду в истории. Только-только наметившуюся здесь гармонию разума взрывает дикая и неуправляемая сила, несущая с собой кровь и слезы. Прав был Шекспир, сказавший устами одного из героев "Макбета": "Жизнь есть история, поведанная дурнем. В ней много слов и страсти, а смысла нет".

Все кровавые исторические трагедии, все катастрофы и стихийные бедствия, все самые ничтожные кухонные свары это Воля в действии. Она непрерывно глохнет, терзает, мучает сама себя, ибо внутренне самопротиворечива и разорвана. Разные ее "части" объективируются в виде противоборствующих природных и социальных сил, и разные ее воплощения насмерть сражаются друг с другом это и есть гераклитовский "агон", вселенская борьба всего со всем.

Теперь картина проясняется окончательно. Все "компьютерные программы" в человеческом сознании создает она, Воля. Больше того она же, в конечном счете, создает и чувственные представления. Зачем? Затем, что воле постоянно нужно распалать саму себя, а потому создавать для себя заманчивые видения. Чтобы Воля ринулась в сражение с самой собою, ей нужна разжигающая ее картина мира. Эту-то картину и создают для нее из чувственных представлений "программы" человеческого разума. Все это создано самой Волей для самовозбуждения и не имеет ничего общего с каким-то объективным миром. Объективного мира просто не существует. Существует только Воля и порождаемые ей самой представления, иллюзии, картины, которыми она распалает себя. Эти-то иллюзии мы и считаем наивно реальностью, страстно принимаясь за ее преобразование, покорение, обуздание.

Остановись Шопенгауэр на этом, его философское учение можно было бы рассматривать как подробнейшее развитие гераклитовского тезиса: "Война есть отец всему и всему начало". Но, в отличие от Гераклита, вполне заслуживающего звание родоначальника "философии жизни", Шопенгауэр сосредоточился на способах избавиться от власти Мировой Воли.

И в этом его наставником стал Будда.

Кровавая междоусобица Жизни была не просто представлена Шопенгауэром во всем ее многообразии, как факт. Она была оценена им как несчастье и мука, от которых следует избавиться. Мир, подвластный Воле, превратился в колесо сансары. Шопенгауэру осталось искать европейский аналог нирваны.

Мир одержим Волей и несется неизвестно куда. В его движении нет никакой логики. Его нельзя предсказать. Нас может ждать завтра любая трагедия, любая катастрофа, если мы будем, безраздельно подвластные Воле, нестись вперед, очертя голову. Что же делать?

Есть первый путь, которым можно на время избавиться от терзаний и борений, порождаемых в нас Волей. Это художественное творчество. Когда мы отдаемся экстазу творчества и нас несет его волна, квант Воли, бившийся в нас и мучивший нас, выплескивается наружу, воплощаясь в произведении искусства. Разумеется, творчество такого рода может быть только иррациональным без всякого планирования, без программы, без "художественных принципов", и вообще лучше всего не связанное со словом, в котором всегда таится сковывающий волю рационализм. Выплеснутая в чистом виде вовне Воля это музыка. Но не продуманная и гармоничная, как у Баха, а неистовая и бурная, как у Вагнера. Художник, творя в экстазе, обретает небывалый покой. Но едва творчество прекращается, он опять начинает мучиться от несовершенства произведения, недовольства им это самопожиривающая Воля вернулась в него. Спасти может только новый экстаз. Но творческие экстазы, увы, не могут быть

непрерывными.

Этот путь избавления от Воли временный. Но есть и второй, более эффективный: именно тот, который предлагает буддизм. Будда учил, что глупо убивать в себе Волю-жизнь постом, примитивным аскетизмом, просто совершать самоубийство, наконец. Все это бессмысленно: череда перерождений продолжится, только ты будешь участвовать в ней в другом виде, ибо Воля всемирна. Выход один научиться отрешаться от нее, избавляясь от плена потребностей, желаний, страстей, восходя при этом все выше и выше в медитации, где созерцанию открывается глубочайшая истина. Истина эта состоит в том, что Воля на самом деле, сама не сознавая этого, борется с собой, и борьба эта бессмысленна, так же как и вовлеченность в эту борьбу.

Воля постигает себя в отрешенном аскете — этаким европейском буддисте, который нашел правильный путь: надо присутствовать в этом мире, отсутствуя в нем. Надо взирать с великим спокойствием и с жалостью на борьбу тех, кто обуян страстями и потребностями. Надо пытаться помочь им освободиться от этих страстей, вырваться из их круговорота, где желаний тем больше, чем больше удовлетворяешь их.

Словом, надо воспарить высоко над миром и созерцать его жестокую суету! Надо смотреть на шторм в бурном море, чувствуя себя на надежном плоту, носимом по волнам.

Чтобы достичь такой отрешенности, Шопенгауэр уходил в горы. Он ощущал, как его тренированное сознание философа мучительно взбирается на недостижимые ранее высоты медитации именно тогда, когда его тренированное тело горновосходителя преодолевает горные кручи:

"Я все сильнее чувствовал невероятную усталость. Привалы мои становились все чаще и все дольше. Наконец, сделав пятьдесят шагов, я упал, изможденный... Я считаю, что такой вид с вершины необыкновенно много дает для расширения понятий... Все малые предметы исчезают, только большое сохраняет свой облик. Одно плавно переходит в другое, и видишь уже не множество маленьких отдельных предметов, а большую, пеструю, сверкающую картину... Вещи, которые там, внизу, представляются столь значительными, ради обладания которыми затрачивается столько усилий и строится столько планов, просто исчезают, когда стоишь здесь, наверху...".

Не странно ли, что буддист-горновосходитель, бросающий отрешенные взоры на мир с высоты, был постоянно готов вступить в схватку, ответить на брошенный вызов? Даже на вызов ничтожной Каролины Маркет? Нет, не странно. Сам Будда оказал ученикам: "Я не воюю с миром, монахи. Это мир воюет со мной". Буддист не начинает войны, ибо не стремится ни к каким целям в этом мире, но достойно отвечает на вызов врага. Как знать, впрочем, не была ли вся философия Шопенгауэра попыткой смирить те дикие припадки гнева, один из которых обрушился на бедную швею?

Окончив осенью 1818 года главный труд своей жизни "Мир как воля и представление" Шопенгауэр претендует в Берлинском университете на звание приват-доцента. 23 марта 1820 года он читает обязательную пробную лекцию "О четырех различных видах причин". Гегель, берлинская философская звезда первой величины, вначале благосклонно принявший тему, вдруг прерывает докладчика:

Но тут поднимается профессиональный медик Лихтенштейн, перебивает Гегеля и говорит:

Гегель с негодованием покидает аудиторию.

Лекция прерывается, не завершившись. Шопенгауэр не дочитал ее, хотя рассчитывал говорить целый час. Ему присваивается звание доцента. Он получает право включить свои лекции в расписание на семестр, причем выбрать не только темы, но и время. И в расписании на летний семестр 1820 года появляется строчка: "Вся философия в целом или учение о сущности мира и человеческого разума", господин доктор Шопенгауэр, шесть раз в неделю, с 4 до 5 часов". Прочитать, впрочем, удалось только одну лекцию на большой аудитории: преподавательские способности Шопенгауэра студентами были оценены невысоко. Но вплоть до зимнего семестра 1831-1832 года Шопенгауэр из принципа ставит в расписания свои лекции, не читая ни одной из них из-за отсутствия интереса у студентов, но когда его спрашивают, на какое время их поставить, гордо и дерзко отвечает: "Лучше всего на те же часы, когда читает свой главный курс господин профессор Гегель".

Мировая Воля продолжает свирепствовать и бушевать в мире, насылая на Берлин в 1831 году эпидемию холеры. Холера уносит великого Гегеля. Шопенгауэр уезжает от холеры во Франкфурт-на-Майне, чтобы прожить там почти безвыездно свыше четверти века, до самой смерти. Берлина он так и не полюбил. В этом городе провалилась и вторая попытка читать лекции в университете — публика просто не дозрела до них. В Александре Гумбольдте, одним из немногих, с кем можно было пообщаться, больше учености, чем действительного ума. Гегель, который изучал философии античных мудрецов не

Жизнь философа и философия жизни filosoff.org
из первоисточников, а по пересказам! (Как, впрочем, и Фихте, и Шеллинг). И вообще что говорить о городе, в котором земля носит фрау Маркет? О городе, который так его и не оценил.

Оставалось ждать признания.

И правда: в середине века интерес к философии Шопенгауэра стал резко возрастать. Настроение общества изменилось. Ушли в небытие иллюзии революций 1848 года, пропало тщетное стремление улучшить этот мир. Дом Шопенгауэра во Франкфурте становится Меккой для любителей иронично-язвительно отнестись к миру, которых с каждым годом становилось все больше и больше. В 1843 году Шопенгауэр переиздает для них первый том "Мира как воли и представления" и добавляет к нему второй, где все называется своими именами. Именно в последние годы жизни он на удивление легко находит издателей для своих произведений. Капитал, оставленный отцом, удваивается. Но Шопенгауэр продолжает жить в простоте, лишь к пятидесяти годам заведя себе собственную мебель зачем? Лучшая комната его квартиры была занята великолепной библиотекой: читал Шопенгауэр медленно и знал, что успеет прочесть только лучшие из книг. Здесь, в кабинете, где он и умер, стоит настоящая индийская статуэтка Будды, покрытая позолотой. На письменном столе бюст Канта, над диваном портрет Гете, на других стенах портреты Декарта и Шекспира.

За три дня до смерти, 18 сентября 1860 года, Шопенгауэр, едва ли не впервые в жизни заболевший (во время одной из постоянных своих прогулок он простудился и получил воспаление легких), сказал врачу Гвиннеру, своему страстному поклоннику, что умереть теперь, когда он задумал серьезно переделать и дополнить книгу своих афоризмов, было бы некстати. Затем добавил: "Если прежде я хотел долгой жизни, чтобы энергично бороться с моими врагами, то теперь я охотно прожил бы еще для того, чтобы хотя бы под старость насладиться столь долго заставившим ждать себя, но зато доносящимся теперь до меня отовсюду признанием моих научных заслуг". Потом, как настоящий буддист, совершенно серьезно добавил, что обратиться в ничто было бы настоящим благодеянием, ибо прожито было достойно. Однако надежды на обретение вечного покоя мало.

21 сентября Шопенгауэр сел на диван пить кофе. Доктор, вошедший несколько минут спустя, нашел его бездыханным. Паралич легких.

На простой надгробной плите по желанию мыслителя было написано только "Артур Шопенгауэр". Когда врач Гвиннер спросил философа, где тот желает быть похороненным, Шопенгауэр ответил: "Это все равно. Потомки меня отыщут ...".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!